

КРАТКАЯ ФОНЕТИКА ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

ВЫПУСК I. ЗВУКОВОЙ СОСТАВ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Предварительные замечания

1. Фонетическое описание японского языка в целом, т. е. совокупности японских говоров (хотя бы и без говоров Рюкюских о-вов, т. е. так называемого рюкюского языка), конечно, невозможно в пределах одного, хотя бы и пространныго очерка. В настоящей работе имеется в виду прежде всего язык, объединяющий все районы Японии (за исключением Рюкю) и являющийся «литературным» или «стандартным» языком современной Японии. Но таковых «стандартов» оказывается два: с одной стороны, письменный язык, представляющий собою вариацию «классического» японского языка (т. е. диалекта, на котором ныне уже никто не говорит) и имеющий вполне тождественную графическую форму во всех районах, несмотря на глубокие фонетические различия, видоизменяющие произношение читаемого текста в отдельных диалектах¹; с другой стороны, разговорный «стандартный» язык, сравнительно недавно² выступивший в роли общепонского языка (точнее: общего языка японской интеллигенции) и, с известными оговорками, отождествимый с токиоским говором (образованных токиосцев). Разумеется, нашему фонетическому описанию надлежит иметь в виду лишь второй из этих стандартов: **р а з г о в о р н ы й** общепонский язык: иначе говоря, мы будем рассматривать просто токиоский говор как таковой, а те отступления, которые от него обнаруживаются у уроженцев других местностей (говорящих именно на «стандартном», т. е. токиоском языке), мы будем просто игнорировать [так как они вполне зависят от особенностей местного родного диалекта и представляют поэтому значительное разнообразие³].

Однако, как мы увидим ниже, весьма многие из говоров центральной (в широком смысле) Японии (в том числе относящиеся к западной группе^{3*}), обнаруживают почти тождественный с токиоским состав консонантизма и вокализма [т. е. перечень фонем будет тот же или почти тот же, хотя звуковой состав отдельных слов будет часто различным], несмотря на коренные расхождения в характере и составе музыкально-акцентуационной системы. Таким образом, многое из того, что ниже говорится по поводу «стандартных», или токиоских черт фонетической системы (в частности

¹ Особенно отличается произношение письменного языка на перифериях японской территории: на Кюсю (о Рюкюском районе говорить не приходится, так как он обладает своим письменным литературным языком^{1*)}) и, с другой стороны и в особенности, на северо-востоке: Ямагата, Акига, Аомори, Иватэ и т. д. Например, в Аомори знак слоговой азбуки, читающийся в Токио как *se*, получил чтение *hi*, в м. токиоского *ci* читается *si* или */si*, в м. *ki* — *k^si* (комбинаторно *k_s*) или *k^gzi* (внутри и на конце слова), в м. *i* — *zi* и т. д. и т. д.

² Широкое распространение по всем районам для токиоской «койнэ» [греч. κοινή διάλεκτος] констатируется лишь в эпоху Мэйдзи и Тайсё^{2*}.

³ Местные диалектические особенности отражаются в речи провинциалов больше всего именно в фонетике [хотя нужно сказать, что в «койнэ» оказываются приемлемыми и некоторые морфологические дублеты не токиоского, а западнояпонского происхождения], и среди фонетических явлений наиболее устойчивыми оказываются местные особенности акцентуационных систем.

консонантизма и вокализма), оказывается справедливым и для таких центральнояпонских говоров, которые я поэтому позволю себе условно именовать «нормально-японскими»⁴.

2. Кроме «стандартного», т. е. токиоского говора, я позволяю себе включить в настоящую работу и некоторый ориентировочный диалектологический материал, без которого было бы затруднительно понимание следующего моего очерка — уже по исторической фонетике японского языка. Здесь я ограничиваюсь минимальными заданиями:

1) дать характеристику двух остальных главнейших типов музыкально-акцентуационной системы (вслед за восточной системой, представителем которой является токиоский говор); именно — а) западной системы, в двух разновидностях — в киотоском и в говоре Тоса (префектуры Коти; в частности, описывается мною язык местечка Мороги и прилегающей к нему рыбацкой деревушки Тобара); б) южной — кюсюской (хотя и не объединяющей весь о. Кюсю⁵) акцентуационной системы, для чего вводится схематический очерк фонетического состава одного из нагасакских говоров (т. е. говоров префектуры Нагасаки) — именно говора большой рыбацкой деревни Мие⁶ [mi₁j₁e по местному произношению] уезда Ниси-Соноки.

2) дать опорные и отправные пункты для сравнительно-исторического описания главнейших фонетических явлений, имевших место в истории японского языка (включая и наиболее характерные диалектические процессы); для этого мне служат, во-первых, характеристики вышеупомянутых уже говоров (именно — кроме токиоского — Киото, Тоса, Нагасаки), во-вторых, отдельные экскурсивные замечания по поводу дифференциальных к токиоскому особенностей того или другого диалекта (например, северо-восточной подгруппы, или же рюкюского языка).

Это дает, следовательно, известный подбор современных статических фактов, на основании которых можно будет (пользуясь сравнительно-историческим методом) говорить о ходе фонетической эволюции.

И, наконец, в качестве восстанавливаемых этим методом отправных пунктов изложения японской исторической фонетики я присоединяю таблицы фонетического состава двух исходных эпох: 1) общепонской и 2) до-японской (имея в виду до-японское состояние того из двух формантов японского языка, который обнаруживает сходства с «аустронезийской», или «малайско-полинезийской» группой языков⁷)^{5*}.

В настоящем выпуске эти две реконструкции приводятся голословно, без мотивировки. Последняя найдет место во втором — историко-фонетическом — выпуске, где, однако, удастся осветить лишь область консонантизма^{6*} [что же касается древнейших явлений в области вокализма и акцентуации, то здесь выводы оказываются возможными не столько на

⁴ Таков, например, киотский говор, являющийся, с точки зрения акцентуации, типичным представителем западной группы и в то же время имеющий тот же состав гласных и согласных, что и токиоский, — за исключением той лишь особенности, что начальное *ŋ* возможно в Киото не только в виде *m* (например, *mte* «слива»), но и в виде *ɲ* (*ɲyok-u*).

⁵ В некоторых районах, например, в Кумамото^{4*}, упрощение акцентуации дошло до предела: до появления системы с постоянным местом и характером [если не считать явлений эмпазы] ударения.

⁶ Для стандартного произношения следовало бы писать (в моей транскрипции): Мие [в М. Ф. А. мие].

⁷ О втором, — континентальном, источнике японского языка возможно будет говорить лишь в связи с компаративным анализом японо-корейских и вообще японо-алтайских параллелей.

основании японских фактов, сколько на основании иноязычных параллелей; этим и обуславливается ограничение темы второго моего выпуска «Краткой фонетики японского языка» одним лишь консонантизмом (в сравнительно-историческом освещении)].

3. Практическое задание, поставленное настоящей брошюрой нуждами Кафедры Языка Стал. Ком. Ун-та, заставляет меня выделить в особую (заключительную для I выпуска) главу те выводы, которые можно сделать из сравнения японской фонетической системы с русской преподавателю русского языка в японских кружках СКУ. Я имею в виду указать, какие из русских звуков и звуко сочетаний представляют наибольшую трудность для японской аудитории, а также предложить способы, обеспечивающие преодоление этих трудностей. Практический опыт в этом отношении был продан мною лично — на преподавании русского языка японцам-первокурсникам (в течение 1½ семестра), и, как показывает отзыв моего заместителя о достижениях, сделанных данной группой, результат моих приемов «постановки русских звуков» оказывается очевидным.

4. За содействие в издании настоящей брошюры я приношу горячую благодарность гг. Шумяцкому^{7*}, Покровскому, Новикову, Зам. Пред. Иннарвоста т. Тюрякулову^{8*} и, наконец, работникам стеклографии СКУ^{9*}.

Фонетическое представление слова

Нормальный количественный состав японского слова — сочетание нескольких, по крайней мере, двух слогов. Сравнительно редко встречаются слова, состоящие из одного долгого слога, например: *a:*, *so:*, *kai* (-*kai*), *ai* (-*ai*); морфологическая граница⁸ проходит внутри дифтонга: *a-u*), *kau* (-*kau*-*ka-u*), *ou* (-*oN*; о знаке *N* см. ниже), *hou* (-*hoN*) и т. п.

И в виде совершенной аномалии (как лексической, так — мы увидим ниже — и фонетической) наблюдаются слова из одного краткого слога, например: *e*, *ki*, *ko*, *ka* («комар»), *ke*, *to* («дверь»), *ne* и т. п.

Уже из этого принципиального и статистического различия между словами из долгого и словами из краткого слога можно заключить, что в качестве единицы количественного измерения слова недостаточно пользоваться понятием «слога», а нужна еще более мелкая единица, именно «мора» — принципиально равновеликая краткому слогу. И так как для токиоского и сходных с ним говоров⁹ можно утверждать, что долгий слог принципиально расценивается как два кратких (что ясно, например, из техники стихосложения), то в дальнейшем мы будем понимать под термином «мора» представление количества краткого слога или половины долгого слога. Слова *e*, *ki*, *ke*, *ko*, *ka*, *to*, *ne* — будут одноморными, а слова *a:*, *so:*, *kai*, *kau*, *ou*, *hou* (как, с другой стороны, и слова из двух кратких слогов: *ana*, *hana*, *koke*, *cuki* [-*c(u)'ki*]) — двухморными.

⁷ Черточка (т. е. дефис. — *A. B.*) имеет в данной транскрипции только морфологическое значение: ею отделяется (в случае особой надобности) одна морфема от другой.

⁸ Но не для рюкюского языка [я называю рюкюский — языком, а не диалектом японского языка, главным образом потому, что он обладает своим собственным литературным языком], где количественные моменты слогового представления принципиально отличны (это отражается и в особенностях рюкюского стихосложения: долгий рюкюский слог идет в стихе за одну единицу с кратким, и при рецитации поэтической речи фактически сокращается; иными словами, в рюкюском поэтическом языке отсутствуют долги⁸ гласные и обусловленное ими представление долгого слога).

Тогда вышеприведенное определение количественной нормы японского слова будет означать, что количественно-нормальными являются слова из двух и более м о р, слова же, состоящие из одной моры, являются аномалией. Следовательно, кратчайшим видом нормального слова является комплекс из д в у х м о р, каковой поэтому и является нормой для морфологически-элементарного (= простого) слова, т. е. слова, состоящего из одного лишь лексической (= коренной) морфемы. Говоря конкретно, сюда отойдет большинство имен существительных с «простой» (т. е. одноморфемной) основой в форме *Casus indefinit.*, т. е. бессуффиксального падежа¹⁰.

Примеры: *i'ni* «собака», *a'si* «нога», *'aki* «осень», *take* «бамбук», *'take* ж. имя «Бамбук», *hana* «нос», *ha'na* «цветок», *'asa* «утро», *a'sa* «конопля»¹¹; *a*: «так», *'ho*: «щека», (киот. *ho:*, что указывает на праформу **poro* ← **porot* [?]), *ho*: «закон» (**pori* и **rari* — из китайского **far*)^{11*}, *sai* (-*sai*) «закуска (овощи)», *oŋ* (-*oN*) «звук», *'oŋ* (-*oN*) «милость, благодеяние».

Однако статистически вторая из этих категорий (двухморные основы из одного долгого слога: *ho:*, *sai* и т. д.) значительно уступает первой (т. е. двухморным из двух слогов: *i'ni*, *a'si* и т. д.), на что легко находится историческое объяснение.

Долгие (двухморные) слоги современного языка все возникли в историческую уже эпоху: они имеют место — 1) или в заимствованиях (главным образом китайских) или 2) в результате стяжения двух слогов, в японских словах, например в *'ho*: (ср. киот. *ho:*, нагас. *fu:*), где *ho*: из **fofo* ← **poro* (общаяпонская акцентуация с ^ в последнем слоге восстанавливается на основании кiotоской формы *ho:* с нисходящим повы-

шением внутри второй моры:  и в свою очередь указывает на наличие конечного носового в еще более древнюю, чем общаяпонская, — в до-японскую эпоху).

Таким образом, если норма простого слова может быть определена для современного состояния языка в виде двухморного комплекса, то для древнего состояния это определение может быть уточнено: нормой про-

¹⁰ Который отнюдь, однако, не может быть отождествимым — по значению — с русским именительным (*стол, конь, чай*) или же с турецким бессуффиксальным падежом (например, узб. *ot, doj*): для перевода русского именительного в японском есть два особых падежа: на *-na* и на *-wa*, различающихся в зависимости от того, является ли грамматическое подлежащее психологическим субъектом или психологическим предикатом^{10*}; японский же *Casus indefinitus* — по значению скорее играет роль *Casus adverbialis* и в частности *Casus temporalis*: например, в токиоском *'asa* «утром» во фразе *'asa kuru* «утром (некто) приходит». Впрочем, можно указать, что в говоре Тоса функции бессуффиксального падежа еще более ограничены, ибо для *Casus temporalis* имеется особый суффикс — *-r'a*, например, тосаск. *a'sa* *r'a* «утром» (от *a'sa*), *'mar'a* «теперь» (от *i'ma*) [не следует, конечно, путать с *Cas. indef.* случайные совпадения с ним других падежей в тосаском от известных основ: например, *Accusativ.* и *Subjectiv.* от *a'sa* совпадают с *Cas. indef.* (*a'sa* ← *'asa-o*, *a'sa* ← *a'sa-wa*); но от основы *a'sa* — эти падежи имеют уже отличную от *Cas. indef.* форму: *a'sa* (из *a'sa* -*o*, *a'sa* -*wa*)].

¹¹ Слово это в токиоском, вероятно, заимствовано из западных говоров: иначе мы ждали бы ударения на 1-м слоге (согласно общему закону), так как в западных имеется форма *a'sa*.

состав слова, даже очень многосложного. И лишь в таких говорах, как токиоский, — значительно упростивших уже древнюю (общепонскую) систему, период высокого голосового тона (т. е. иначе говоря, м у з ы к а л ь н о е ударение) сосредоточивается на одной мере, что напоминает уже наши, европейские представления об ударении.

Тем не менее общий основной акцентуационный признак единого слова повсюду сводится именно к вышеуказанному наличию о д н о г о периода высокого голосового тона на все данное слогосочетание ¹⁵.

Располагая этим фонетическим (акцентуационным) критерием для определения границ слова в каждом отдельном случае, мы можем извлечь из этого дополнительное доказательство того, что суффиксы (и префиксы), так часто рассматриваемые в грамматиках японского языка на правах самостоятельных слов (или «частей речи»), на самом деле являются лишь частью сложного (мноморфемного) слова.

Именно: присоединение суффикса (или префикса) не увеличивает число «музыкальных ударений», т. е. периодов высокого голосового тона: суффиксальная (или префиксальная) форма имеет одно «музыкальное ударение», как и простое слово (голая основа). Это будет справедливо и для тех случаев, где «музыкальное ударение» п е р е н о с и т с я на суффикс (с последней меры основы). Например:

В ТОКИОСКОМ	В КИОТОСКОМ
花 <i>hana</i>	^h na ₁ na
花が <i>ha^hana</i>	^h na ₁ na ^h a
花は <i>ha^hawa</i>	^h na ₁ naw ^h a
花に <i>ha^hana</i>	^h na ₁ na ^h mo
言葉 <i>hana (т. е. ha^hna^h)¹⁶</i>	^h hana ^h
言葉に <i>hanana (hana^hna^h)</i>	^h hanana ^h

¹⁵ Особого упоминания заслуживают некоторые Sandhi-ческие явления, на первый взгляд, казалось бы, противоречащие данному акцентуационному определению слова (— в качестве комплекса, заключающего в себе период, и именно один период, высокого голосового тона): например, в кiotоском говоре окситонное слово (т. е. слово, имеющее повышение только на последней мере, например, слово *hasi*-^hya) перед начальным высоким тоном следующего слова может утрачивать свое конечное повышение, превращаясь, таким образом, в сочетание одних только н и з к и х по тону слогов (например, *hasi*-^hya^h *sara-ni*^h может быть произносимо — при условии тесного контакта обоих слов — в виде ^hhasiya^h ^hsarani^h). Правда, можно было бы оспаривать — для данного случая — нарушение здесь вышеуказанного общего закона (— «на одно слово — один период высокого голосового тона»), усматривая в таких сочетаниях, как ^hhasiya^h ^hsarani^h, уже Neocompositum. Но я предпочту допустить, что вышеуказанный закон оказывается справедливым постольку, поскольку не встречаются в виду факультативные Sandhi-ческие явления.

花 は hanawa (hana wa)

hanawa

花 ち hanamo (hana mo)

hana_{mo} [суф. -mo

принадлежит к обязательно-низким по тону]

и т.д.

Еще с большей очевидностью обнаруживается этот принцип акцентуационного единства сложного (суффиксального) слова в нагасакском, где мелодическая характеристика всегда переносится на конец слова, т. е. в суффиксальных формах — на слоги суффиксов (обнаруживаясь или в виде понижения или повышения голосового тона к исходу слова, причем в многосложных комплексах это понижение или повышение выявляется на протяжении трех последних мор):

В нагасакском (дер. Мие):

花 hana, 花の hana^{no}, Dativ.-Locativ.

hana^are, Instrumentalis han'a^{re}, Subjectiv.hana^a:

и т.д. 鼻 ha_{na}, 鼻の hana_{no},

Dat.-Locativ. han'a_{re}, Instrumentalis han'a_{re}, Subjectiv.

hana_{re}: и т.д.

Примечание. Знак [^] перед последней морой слова означает (в транскрипции нагасакских форм) «окситонный» тип акцентуации — с повышением голосового тона к исходу слова. Знак _^ (перед последней морой) —, наоборот, «баритонный» тип акцентуации — с падением голосового тона к исходу слова.

Мы видим, таким образом, что в японском акцентуация выполняет в общем ту же роль внешнего признака единства слова, что и в прочих языках, например, в русском или же в турецких ^{12*} и т. д. Принципиальная разница с турецкими языками (помимо различия в самой фонетической природе акцентуации, которая в японском носит музыкальный характер ¹⁷) состоит, впрочем, в том, что в турецких ¹⁸ языках кроме ударения показателем единства слова служит еще и сингармонизм, или так называемая «гармония гласных» (а в известной мере и согласных), обнаруживающих сходный качественный состав на протяжении всего данного слова. В японском же сингармонизм отсутствует (а значит, указанная функция, — внеш-

¹⁶ Черта над словом (я токиоск.) означает «безударный» тип слов с факультативным повышением на последней море.

¹⁷ Даже в тех говорах (— восточных), где повышение регулярно сопровождается и усилением тона, японская акцентуация все же является музыкальной (= Musikalischer Wortakzent), так как существенным для языкового мышления моментом служит именно высота голосового тона.

¹⁸ Если не иметь в виду исключения в виде иранизованных говоров узбекского языка, где сингармонизм отсутствует.

него выражения единства слова, выполняется одной лишь акцентуацией¹⁹), и взамен «гармонии гласных»^{13*} можно указать лишь на существование своеобразной «гармонии тонов» (в западных и, особенно, южных, — именно в нагасакских, говорах), напоминающей турецкий сингармонизм в том отношении, что мелодия суффиксальных слогов предопределяется мелодией основы (подобно тому, как в турецких языках вокализм суффикса зависит от вокализма основы).

Эта «гармония тонов» (и обусловленное ею чередование мелодий голосового тона в суффиксах) носит различный характер в западных говорах (например, Киото, Тоса, Хёго), с одной стороны, и в южных (нагасакских) — с другой.

В Киото, Тоса и т. п. говорах «чередуются по тону» не все суффиксы, а лишь известная (хотя и значительная) их часть (остальные же всегда, т. е. после любой основы, обладают низким голосовым тоном²⁰). При этом тон (высокий или низкий) суффикса непосредственно зависит обычно лишь от последней моры основы. Так, в киотоском «чередующиеся по тону», в склонении, обычно²¹ продолжают собою тон, которым заключалась основа, например —

hana _h na	-	Nom.	от	hana	鼻	("нос")
hana _h na	-	"	"	ha _h na	花	("цветок")
asa _h na	-	"	"	asa	朝月	("утро")
{ r r r				{ r r		

В последнем примере низкий голосовой тон приходится лишь на последнюю половину конечного слога основы; этого достаточно, однако, чтобы слог суффикса обладал также низким тоном. В тосаском же, где исчезло представление нисходящего повышения (^), служившее причиной низкого тона суффикса после основы *asâ, результат его, однако, сохранился: Nom, от (Тоса a'sa ← *asâ²²) имеет форму a'sa_hga — с низким слогом -ga

(в отличие от a'saga // КИОТ. asa_hna — Nom. от a'sa 麻).

¹⁹ Если не иметь в виду еще наличие определенных законов анлаута и нилаута, о которых речь будет ниже. Но они имеют уже совсем иное и вторичное значение, не являясь принципиальным признаком общего фонетического представления слова.

²⁰ Например: -_hmo, -_he (Illativ.; в киотоском -_he / -_hi), -_hmade, -_hna (Attributiv., например, -_htame_h-_hna «здоровый»), киот. -_hja (Praedicativ., экв. Токюоск. -da), -_hto, заключающее прямую речь (но не -to Sociativi), и т. д.

²¹ Если не считать «перенесения музыкального ударения» на суффикс с последней моры окситонной основы в киотоском, например, ha_hsi-_hja (от ha_hsi) [из *pa_hsi-_hja]; ср. Тоса ha_hsi_hga.

²² Восходит же это нисходящее повышение к конечному носовому (*m) в до-японской форме: ср. корейск. ac'am, ac'am «утро»; другой пример: япон. *turû → киот. ci_hurû // корейск. turum «журавль» (ср. также якут. turu_hja, узб. tur_hna &).

Тут мы имеем, следовательно, исторический результат «гармонии тонов», служащий, однако, нарушением ее с точки зрения современной системы (ибо фактически слог *-ga* оказывается н и з к и м, несмотря на то, что

следует за последним в ы с о к и м тоном основы а^{sa} 朝).

Гораздо более значительные размеры приобретает «гармония тонов» в нагасацком, где она служит основным акцентуационным принципом для всякого рода морфологических явлений. Подобно тому как лингвальный (язычный) сингармонизм турецких языков предусматривает две категории основ (— задних [например, казак. *bala*] и передних [например, казак. *eşel*]), так и нагасацкая акцентуация знает два мелодических типа основ: окситонный и баритонный. После основ первого типа (окситонных) следуют суффиксы с конечным тоноповышением (— потому что все данное сложное слово становится окситонным, а концом его, на протяжении которого осуществляется «окситонность», оказываются именно суффиксы); после основ же второго типа (баритонных) эти суффиксы аналогичным образом снабжаются тонопонижением. Важно отметить, что здесь — в отличие от западнояпонского — повышение и понижение являются принадлежностью не суффикса как такового, а именно к о н ц а с л о в а, мелодия которого предопределена стоящей в начале слова основой (точнее: начальной морфемой данного слова). Этому закону повинуются не только суффиксальные образования (склонение, спряжение и т. д.)²³, но и *Composita*, тип акцентуации которых определяется типом начальной морфемы. Например, слово из 11 слогов *kara-ŋ-kuni-no-tatemon-no-go'to* («подобно зданию китайской страны») оказывается окситонным потому, что первая его морфема (*ka'ra* «Китай») принадлежит к окситонному типу.

Наконец, существенным отличием общепонской и современной — в большинстве говоров — систем акцентуации от акцентуации в турецких языках (и вообще в «алтайских» языках, включая корейский) является свободное место тоноповышения, тогда как в турецких языках ударение обычно приходится на последний слог слова (а в других языках «алтайского» семейства или на первый или на последний).

Однако по мере эволюции и упрощения системы эта свобода позиции музыкального ударения постепенно суживается. Уже в Токио мы находим ограничение позиции ударения — для большинства слов — последними тремя морфами [что до известной степени напоминает древнегреческий (аттический) *Dreisyllbengesetz*^{14*}], в определенных морфологических условиях возможны, однако, исключения из этого закона: например, Ablativ. от *'aki* — *'aki-kara* (ср. Nom. *'aki-ŋa*, Subj. *'aki-wa*, Acc. *'aki-wo&*).

В нагасацком — с его двумя типами слов — мы видим уже значительное приближение к системе постоянного места ударения [и опять-таки

²³ Правда, среди морфологических образований иногда встречаются исключения из этого закона (находящие себе, разумеется, историко-фонетическое объяснение): например, мн. число от *o₁i* (**o₁re* ← о-япон. **o-re* «я») — *oro₁mo* «мы» [Cas. Subj. *oro₁ta*: п *ota*: «мы»] — имеет окситонную мелодию (а не баритонную, как *o₁i* «я»). Объясняется это общепонской мелодией — **ore-do₁mo*—, которая правильно отражается в нагасацкой окситонной (в *oro₁mo* [вместо *oiro₁mo*]), тогда как нагасацкая баритонная восходит (почти исключительно) к общепонским словам из ровного по тону ряда высоких слогов.

принцип Dreisylbengesetz'a]. Дальнейшие этапы этой эволюции мы найдем в других диалектах той же южной группы: в рюкюском и, наконец, в Кумамото, где вместо двух нагасакских типов имеется уже только один, т. е. установлены постоянное место и постоянный характер ²⁴ ударения.

Примечание по поводу мнимых исключений из закона о единстве музыкального ударения (т. е. периода высокого голосового тона) на протяжении слова.

В моих записях японских текстов (например, по западным и южным говорам) нередко приводятся два возможных дублета акцентуации одного и того же многосложного (и многоморфемного) комплекса: в одном из этих дублетов данный комплекс имеет только одно тоноповышение — на правах единого слова (Comp-positi); в другом — он разлагается на два самостоятельных (с точки зрения акцентуации) слова, каждое из которых снабжено своим тоноповышением. Эти переходные случаи не должны рассматриваться как противоречащие вышеуказанному закону: здесь мы имеем дело с Neocomposita, которые, действительно, допускают двойную квалификацию (в зависимости от различных психологических условий фонации) — и в качестве единого, и в качестве двух самостоятельных акцентуационных слов. Простейшим из относящихся сюда случаев являются четырехсложные (редупликационного типа) onomatopœtica [или «звуковые жесты», допускающие, в западных говорах, двойную акцентуацию: например: $\lceil pi_ka-pika$ и $\lceil pi_ka\lceil pi_ka$ (— проблеск молнии), и т. п.

Анлаутные и инлаутные признаки фонетического представления слова

Кроме акцентуации, фонетическое представление слова характеризуется также известными звуковыми нормами для начала и, наоборот, для середины слова. Именно, некоторые звукопредставления оказываются принципиально недопустимыми для позиции в начале слова (—Anlaut) и возможными, следовательно, лишь внутри слова (в Inlaut'e ²⁵).

Сюда относится для современного японского языка (по крайней мере, для всех наблюдавшихся мною говоров ²⁶) недопустимость в начале слова согласного η [между тем η слогаобразующее (— η перед следующим заднеязычным согласным) в начале слова оказывается возможным — по крайней мере в некоторых говорах: например, в киотоском и нагасакском].

Именно, в токиоском и киотоском (и прочих «нормально-японских» говорах, обладающих двумя разновидностями

ハ行 : ga, gi, gu, ge, go и ца, чи,

ци, че, чо ^{16*}),

в начале слова допускается только неносовой -g, а внутри слова, наоборот, только носовой - η (например, garasu, а η о, а η ери и т. д.; равным образом, суффикс Nominativi произносится в виде - η a, но отнюдь не -ga ²⁷).

²⁴ Эмфатические вариации в счет не идут (в том числе специфическая интонация собственных имен типа hana «Цветок», suri «Журавль» [имеющих во всех говорах ударение на первом слоге], объяснимая из их вокативного употребления).

²⁵ Рассуждая априорно, мы должны были бы ожидать, что фонема, недопустимая в начале слова, будет возможна внутри, а также и а конце слова. Но, ввиду особенностей японского представления слога ^{15*}, первый элемент слога (способный быть и первым элементом слога) принципиально отличен от конечного элемента (в слоге и слове); и потому о конце слова здесь не приходится упоминать.

²⁶ Оставляю открытым вопрос о наличии начального η в некоторых восточнояпонских говорах (о чем есть упоминания в японской диалектологической литературе), так как мне не представлялось возможности проверить эти сведения.

²⁷ Но, разумеется, в Тоса и в южной группе (где чередование $g / -\eta$ отсутствует) g будет соответствовать и токиоскому g и токиоскому η (ago, ageru, -ga).

Примечание 1. Единственным исключением из закона о наличии *ŋ* в инлауте (и *g* в анлауте, т. е. закона, который можно формулировать так: «*g/-ŋ*») служат редупликационные формы опоматороэтика с начальным *g*, повторяющимся и во второй части редупликации: например, *guru-guru*.

Примечание 2. Наличие *ŋ* в суфф. *-ŋa* является частичным доказательством: вышеуказанного положения, что суффиксы не являются самостоятельными словами²⁹.

Второй отличительной принадлежностью инлаута (невозможной в анлауте) является наличие долгих согласных (например, *atta* = *at:a* и т. п.), которые (в современном языке) в начале слова принципиально невозможны (если не иметь в виду *ṁm* в *ṁ'ta*, *ṁ'te* и т. п., которое с точки зрения современного языкового мышления квалифицируется не как долгий согласный (**m*:), а как сочетание слогаобразующего носового с согласным (*Nm*)).

Есть и другие отличительные признаки инлаута (например, наличие Gleitlaut³⁰ перед гласными *e*, *o* — начинающими собою один из первых слогов слова; и т. п.), но о них речь будет идти в другом месте (при обзоре вокализма).

Для древнего же состояния языка характерна была недопустимость согласного *ɾ* в анлауте. Этим объясняется и тот факт, что в ряде говоров (например, Кумамото) в китайских заимствованиях вместо обычного *ɾ* (соответствующего китайскому *l*) имеется *d* (например, *dakuda* вм. *rakuda* «верблюд» и т. д.)^{18*}.

(Конец 1-й тетради: «Фонетическая характеристика слова»).

Слог

Слоговые представления в японском языке гораздо более элементарны, а в связи с этим обладают большим значением для языкового мышления, чем, например, в языках русском, польском или немецком. Из сочетаний, подобных русским, *kak*, *tak*, *katka*, элементы *t* и *k* выделяемы, конечно, легче, чем из японских *kata* и *taka*. Иначе говоря, представление слога в японском менее делимо, — с меньшей отчетливостью разлагается на элементарные фонетические представления (фонемы), чем в русском и т. п. языках. И значит, до известной степени можно в самом понятии японской силлабемы (слогопредставления) усматривать характер элементарной фонетической единицы.

Однако говорить о «слоге — фонеме» можно было бы лишь для такого языка, где был бы всего один гласный (например, *a*) и только открытые слоги (*ta ka sa ta na ja* и т. д.); или же — для такого, где каждый гласный сочетался бы исключительно с одним согласным, т. е. была бы проведена до крайности японская тенденция исключительно-возможных сочетаний для известных согласных (*phi*, *si*, *wa* — причем *fa*, *sa*, *wi* оказываются невозможными). В языке же, допускающем слоги вроде *ka ko ku ta to tu* и т. д., элементы слога (согласные и гласные) могут, конечно,

²⁹ Впрочем, не надо думать, что кроме внешних (фонетических) доказательств несамостоятельности суффиксов (— в виде акцентуации и законов инлаута, в частности «*g/-ŋ*» для суфф.) у нас нет других средств убедиться в том, что суффиксы *-ŋa* (и префиксы) не являются отдельными словами. Ведь словом мы называем такой отрезок речи, который может быть изолируемым в качестве единственного члена фразы (предложения); иначе говоря, «слово есть потенциальный *midim* предложения». А между тем нельзя представить себе фразу, состоящую из одного только суффикса того или другого падежа (или из одного только префикса,

например, префикса *so-* 佐) ^{17*}.

выделяться (в качестве фонем). Но поскольку одна категория этих элементов, — согласные (*k t* и пр.), не мыслятся произносимыми отдельно, без гласного, постольку их представления (т. е. согласные фонемы) должны обладать меньшей самостоятельностью, чем в русском.

В японском же дело обстоит именно так: в виде общего правила возможны только открытые слоги — типа (C)V (т. е. из согласного²⁹ и гласного³⁰ [или дифтонга], причем согласный может и отсутствовать)^{19*}: например —

ka ki ku ke ko (или ka:, ki:, ku:, ke:, ko:)

na ni nu ne no (или na:, ni: и т.д.)

a i u e o (или a:, i:, u:, e:, o:);

или с дифтонгом в качестве второго элемента —

ka_i ki_u ku_o ke_o ko_o и т.д.

Уже один этот «закон открытых слогов» обуславливает сильное ограничение числа допустимых в языке слоговых комплексов (их должно оказаться не в пример меньше, чем в русском, например, языке, где возможны такие ряды слогов, как *rok srok fsrok stro fstro* и т. д., и т. д.).

А кроме того, в японском языке наблюдается еще, в известных пределах ах, выше уже упоминавшаяся тенденция определенных сочетаний согласного с гласным. В каждом диалекте она сказывается, правда, по-разному [например, в токиоском и вообще в «нормально-японских» говорах ф возможно только в слогопредставлении $\phi i^{31}/\phi(u)$, а в нагасацком допустимо кроме того сочетание ϕi^{32} ; согласный *c*, допускаемый в Токио лишь в $ci^{31}/c(u)$, в нагасацком возможен в слоге *ca*:³³; невозможное в «нормально-японских» сочетание *wi* оказывается вполне нормальным для рюкюского языка; и т. п.]; тем не менее в каждом из данных говоров число возможных слоговых комплексов оказывается уменьшенным (по отношению к числу теоретических комбинаций типа CV из данного наличия согласных и гласных звукопредставлений).

Число различаемых в языке слогов является, следовательно, — в силу двух вышеупомянутых причин — весьма ограниченным и легко поддается учету. А это ведь и оказывается необходимым условием для того, чтобы слоговые представления играли бы, — хотя бы отчасти, — роль элементарных фонетических представлений³⁴. Это значит, что если с точки зрения русской психофонетики представление русского слова состоит из ряда звукопредставлений (одно из которых — из относящихся к категории слогообразующих — обладает также признаком ударяемости), то японское слово разлагается, наоборот, прежде всего на 1) ряд слогопредставлений^{20*}, в свою очередь делимых на согласные и гласные фонемы, и 2) музыкально-акцентуационное представление (относящееся, в отличие от мелодических представлений китайского языка, не к слогу как таковому, но ко всему словопредставлению, — т. е. «Musikalish. Wortakzent», а не «Musikalisch. Silbenakzent»^{21*}).

²⁹ C — символ согласного (Consonans).

³⁰ V — символ гласного (Vocalis).

³¹ А также при долгом *u*: (т. е. ϕu : resp. cu :).

³² Например, $\phi e:\phi i$: — Dat.-Loc. от $\phi e:\phi u$ // Tok. $\phi e:\phi u$.

³³ Например, *nasa*: — Cas. Subject. от *nacu* (в Токио *nacu-wa*, в Тоса *nata* ← *natu-wai*).

³⁴ Ср. относительно небольшое число и возможность учета силлабем, различаемых в современном китайском языке, где также (хотя и в отличных от японского условиях) роль элементарного фонетического представления играют, в известной мере, именно слоговые представления [см.: «Краткая фонетическая характеристика китайского языка». М., 1927].

КОММЕНТАРИИ

- 1*. После полного присоединения о-вов Рюкю к Японии (1872) рюкюский литературный язык начал вытесняться японским и ко времени написания работы Е. Д. Поливанова уже почти не функционировал.
- 2*. Эпоха Мэйдзи — 1868—1912 гг., эпоха Тайсё — 1912—1926 гг.
- 3*. К западной группе японских диалектов традиционно относят диалекты западной части о-ва Хонсю, включая район Киото-Осака, и о-ва Сикоку. Е. Д. Поливанов исследовал два диалекта этой группы: Киото и Тоса (на юге Сикоку).
- 4*. Как показали последующие исследования японских диалектологов, акцентуация префектуры Кумамото (запад Кюсю) сходна с нагасакской, постоянное место ударения свойственно диалектам восточного побережья Кюсю.
- 5*. Е. Д. Поливанов впервые выдвинул гипотезу о японо-австронезийском языковом родстве, развиваемую в ряде его работ. Однако современные исследователи в большинстве развивают существовавшую и до Е. Д. Поливанова концепцию о принадлежности японского языка к алтайской семье, а японо-австронезийские параллели считают контактными по происхождению (С. А. Старостин, Р. Э. Миллер и др.).
- 6*. Видимо, этот второй выпуск был опубликован Е. Д. Поливановым в виде статьи: *Поливанов Е. Д. Историко-фонетический очерк японского консонантизма* // Уч. зап. Ин-та языка и литературы РАНИОН. Лингвистическая секция. 1931. Т. 4. См. также посмертную публикацию: *Поливанов Е. Д. Категории согласных в японском языке* // Японский лингвистический сборник. М., 1959.
- 7*. Шумяцкий Борис Захарович (1886—1938) — член ВКП(б) с 1903 г. В то время — ректор Института, в котором подготавливалась данная работа. В 30-е годы председатель «Союзикино». Репрессирован и погиб.
- 8*. Тюркчулов Назир Тюркчулович (1893—1937) — видный узбекский революционер, просветитель, языковед, друг и последователь Е. Д. Поливанова. В то время председатель правления Центроиздата народов Востока и зам. директора Института народов Востока, где работал и Е. Д. Поливанов. Репрессирован и погиб.
- 9*. В этом месте рукописи — надпись другим почерком: «Имена их (работников стеклогрaфии. — А. В.) здесь надо вписать» и подписи Е. Д. Поливанова по-русски и в иероглифической записи.
- 10*. Трактовка *wa* как показателя именительного падежа была в дальнейшем отвергнута, поскольку он может оформлять любой тематический член предложения, а не только подлежащее.
- 11*. Упоминаемые далее *sai*, *oN*, *oN* — также заимствования из китайского.
- 12*. Здесь и далее имеются в виду тюркские языки.
- 13*. Как показали не известные Е. Д. Поливанову исследования японских ученых (Хасимото Синкити и др.), в древнеяпонском языке сохранились заметные реликты сингармонизма, см.: *Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык*. М., 1972. С. 30—32. Но в современном языке следов этого явления уже нет.
- 14*. Закон трех слогов (нем.).
- 15*. См. ниже, раздел «Слог».
- 16*. Имеется в виду регулярное чередование *g/y*: первый вариант выступает в начале слова, второй — внутри (в том числе в тех же самых морфемах). В написании японской кавой оба звука записываются одинаково.
- 17*. Концепция падежной суффиксации, отраженная и в ряде опубликованных работ Е. Д. Поливанова (*Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. Грамматика японского разговорного языка*. М., 1930. С. XV—XX и др.), стала в 30—50-е годы господствующей в советской японистике. Сейчас, однако, большинство японистов считает падежные элементы служебными словами.
- 18*. В японском языке все слова с начальным *g* — либо заимствования из китайского или европейских языков, либо онomatopoeia.
- 19*. Ряд исследователей, работавших после Е. Д. Поливанова (Хаттори Сиро, С. А. Старостин и др.), не признает возможности отсутствия согласного, усматривая в начале таких слогов гортанную смычку.
- 20*. С точки зрения концепции Е. Д. Поливанова, точнее было бы говорить о моропредставлениях.
- 21*. Перечислим критические замечания Н. С. Трубецкого по данному разделу рукописи (опубликованные ранее, чем рецензируемая работа): ясны признаки начала и конца фразы, звуковые средства ее членения; ясно, есть ли в японском языке более чем двухморные морфемы (см., однако, у Е. Д. Поливанова: «Многие современные трехсложные и четырехсложные простые основы объясняются как древние Composita», из этой фразы следует, что такие морфемы есть); не полностью перечислены анлаутные и виллаутные признаки слова; следовало бы дать список всех японских слогов (см.: N. S. Trubetskoy's letters and notes. The Hague; Paris, 1975. P. 255—256).